

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОВЕСТИ XVIII ВЕКА

Публикация В. Р ж и г и

Обе печатаемые далее повести представляют значительный интерес, так как по характеру своему резко отличаются от всей повествовательной литературы XVIII в. И тематика этих повестей, и их литературный стиль указывают нам не на городскую среду, а на деревенскую, крестьянскую и притом затронутую процессом социальной дифференциации. Тема этих повестей посвящена объяснению, отчего произошло название двух подмосковных деревень—Камкиной и Киселихи. Соответственно с этим первая повесть называется «Повесть Пахринской деревни Камкина», а вторая—«Сказание о деревне Киселихе». Сюжетом каждой из повестей служит анекдотический эпизод, тесно связанный с жизнью местных жителей и местными урочищами. Чтобы лучше понять обе повести, следует раскрыть подробную географическую карту Московской области и время от времени к ней обращаться. «Повесть Пахринской деревни Камкина» любопытна не только по своей тематике, чисто крестьянской, но и по своему сюжету, не связанному с литературной традицией, но непосредственно возникшему из анекдотического рассказа, основанного на игре слов. Противопоставление основных образов повести также весьма характерно: с одной стороны—господин каширский вотчинник, суровый владелец своих крепостных, с другой—герой повести, крестьянин, подрабатывающий ремеслом, Янька Наумов, балагур и «смехотворный баснюк», благодаря своей словесной изворотливости вызывающий интерес господина и все время торжествующий над ним. Как противопоставление образов, так и обусловленное ими развертывание сюжета без сомнения свидетельствуют о четко выраженной социальной установке, какою является крестьянская позиция неизвестного автора повести, все время находящегося на стороне своего героя. Нельзя не отметить также, что в качестве любопытной черты, характерной для эпохи предпринимательских увлечений помещиков, очень важно указание повести на особый интерес господина к производству камки и на его нужду в мастере, знающем это дело. Словесное оформление повести вполне отвечает характеру сюжета и художественных образов. Повесть изложена простым народным сказом и отличается рифмовкой и подбором созвучных слов. Так например, Янька так потчует господина комками своего изделия: «изволь, государь, моего приспеху кушать и моих речей послушать для великава своего здоровья, понеже мой приспех будет и людем твоим не на смех»... (л. 67, 67 об.).

Другая повесть «Сказание о деревне Киселихе» по тематике, стилевым свойствам и манере письма вполне аналогична первой повести, без сомнения возникла в той же крестьянской среде и принадлежит вероятно тому же автору. «Сказание» сложено таким же народным сказом, как и первая повесть, с явным уклоном к балагурству и игре словами. Социальная установка автора совершенно ясна. Он совсем не на стороне героя своего рассказа Васьки, сына местного богача. Он рисует его тупоголовость с явным комизмом, не только заставляя Ваську месить грязь без порток, но и прямо характеризует его в форме каламбура: «такой был у него прастой абычай, аки бычай: чем тесть его потчивает и довольствует, то он, домов едучи, и помнит; и отцу своему, приехамши, сказывает, что сколка у тестя кушенья ел». Ироническое отношение автора сказалось и на изображении измайловского управителя, из-за корысти последовавшего примеру Васьки и полезшего в грязь искать в ней неизвестно что. Крестьянско-бедняцкая позиция автора обеих повестей вне всякого сомнения: и если в первом случае она выявляется на фоне изображения помещика и его крепостных, то во втором случае она явно сказывается в методе изображения кулацких персонажей и казенного чиновника.

Не умаляя литературной оригинальности данных повестей, можно заметить только, что интерес к происхождению названий отдельных деревенских урочищ является харак-

терным для крестьянской среды XVIII в. Так крестьянин села Угодичей, Ростовского уезда А. Я. Артынов написал в XVIII в. целое сочинение, посвященное объяснению отдельных топографических названий Ростовского края, и собрал для этого большой легендарный материал, приуроченный главным образом к правящей среде старинного Ростовского княжества. Необходимо однако подчеркнуть существенное различие между сочинением Артынова и нашими повестями: там исходным пунктом была традиционная легенда, здесь—вновь возникший анекдот.

Методологическая ценность печатаемых повестей станет еще значительнее, если явления, наблюдаемые в них, сопоставить с теми стиливыми процессами, которые происходили в конце XVII и начале XVIII в. в литературе других общественных классов. Так зарождение новой реалистической повести на почве дворянства связывается с сильным тяготением к литературным образцам западного происхождения, какими являлись либо новеллы, либо романы рыцарские, авантюрные и чувствительные. Появляются своеобразные русские произведения, по заглавию и началу как-будто оригинальные, но представляющие собою пересказы или переложения западноевропейского материала. Таковы например: «История о российском дворянине Александре», «История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Еленоре» и «История о российском матросе Василии Корютомском». Отражая исторический факт путешествий за границу при Петре I, все три истории изображают русских молодых людей, отправившихся за границу для усовершенствования в науках. Здесь попадают они в новую культурную атмосферу, проникнутую галантностью, и переживают ряд любовных интриг, изображенных типичными чертами европейского романа того времени. Все три романа отличаются одинаковыми приемами письма: свои чувства герои выражают ариями, стихами; арии служат также для взаимного узнавания, речь идет о любовных страданиях, о ранах сердца; обильны слезы и другие проявления повышенной чувствительности. Литературный процесс, происходивший в тот же период на почве буржуазии, характеризуется иными чертами. Здесь особенно любопытно стиливое перерождение средневековых жанровых разновидностей, какими были житие, рассказ о чуде, агиографическое сказание. В конце XVII и начале XVIII в. в ряде этих разновидностей несомненно происходит процесс разложения. Самая структура агиографического жанра становится дуалистичной: на ряду с ирреализмом феодально-клерикального стиля появляются реалистические черты; в противовес аскетической идеологии возникает эстетическая точка зрения и интерес к живой реальной человеческой личности; отсюда проникновение романической интриги в строгие житийные рамки. В каждом отдельном случае наблюдаемые новообразования приводили к существенным структурным изменениям: в одном случае менялось разветвление сюжета; в другом из старых мотивов возникал новый сюжет; в третьем кроме формальной трансформации наблюдалось изменение идейной направленности. Процесс стиливой трансформации происходил более остро и ярко в среде крупной буржуазии, о чем свидетельствует повесть о Савве Грудыне и повесть о Горе и Злочастии, и более аморфно на почве буржуазии мелкой, провинциальной, в пользу чего говорят—повесть о Соломоне, повесть о начале Тверского Отроча монастыря и третья редакция повести о Петре и Февронии Муромских.

Если для дворянской литературы начала XVIII в. характерен образ дворянского сына, порывающего с средневековым прошлым и идущего навстречу европейской культуре, то и для буржуазии конца XVII и начала XVIII в. не менее типичны образы гостинных сыновей, не пошедших по традиционному пути отцов и бросившихся на поиски новой индивидуальной жизни, но, не найдя ее, потерпевших жизненное крушение. Если сопоставить теперь дворянскую и буржуазную повествовательную литературу, с первыми начатками крестьянской литературы, то нельзя не заметить здесь ярких и существенных различий, которые сразу бросаются в глаза даже при самом беглом ознакомлении с относящимся сюда материалом. Если дворянская литература, как видели мы, характеризуется главным образом усвоением западноевропейских образцов, если для творческого метода буржуазии наиболее характерно стиливое перерождение традиционных жанровых разновидностей, то для первых начатков крестьянской литературы особенно любопытен наблюдаемый в двух издаваемых крестьянских повестях процесс непосредственного генезиса повествовательного сюжета из анекдотического эпизода и соответствующее словесное оформление, возникающее из народного сказа, избылующего рифмой и игрой словами. В отличие от образов дворянских и гостинных сыновей здесь появляется новый оригинальный образ крестьянина портного Яньки, большого балагура, «смехотворного басника», умеющего своею находчивостью провести деспота-барина. Особенно любопытно, что Янька Наумов является не только крестьянином, но в то же время бродячим ремесленником. Если

принять во внимание, что генетически наиболее ранней формой ремесла, выделившегося из домашне-крестьянского хозяйства, является именно переходное или бродячее ремесло, то сравнительно раннее зарождение литературного образа бродячего ремесленника-крестьянина является вполне понятным. Этот образ не только точнее указывает на вероятную общественную среду, в которой возникли публикуемые повести, но и дает основание предполагать, что среда бродячих ремесленников-крестьян, в особенности близ такого центра, как Москва, успела к середине XVIII в. достаточно выделиться, чтобы средствами словесного искусства, хотя и примитивного, искать путей для выявления своей творческой оригинальности.

ПОВЕСТЬ ПАХРИНСКОЙ ДЕРЕВНИ КАМКИНА.

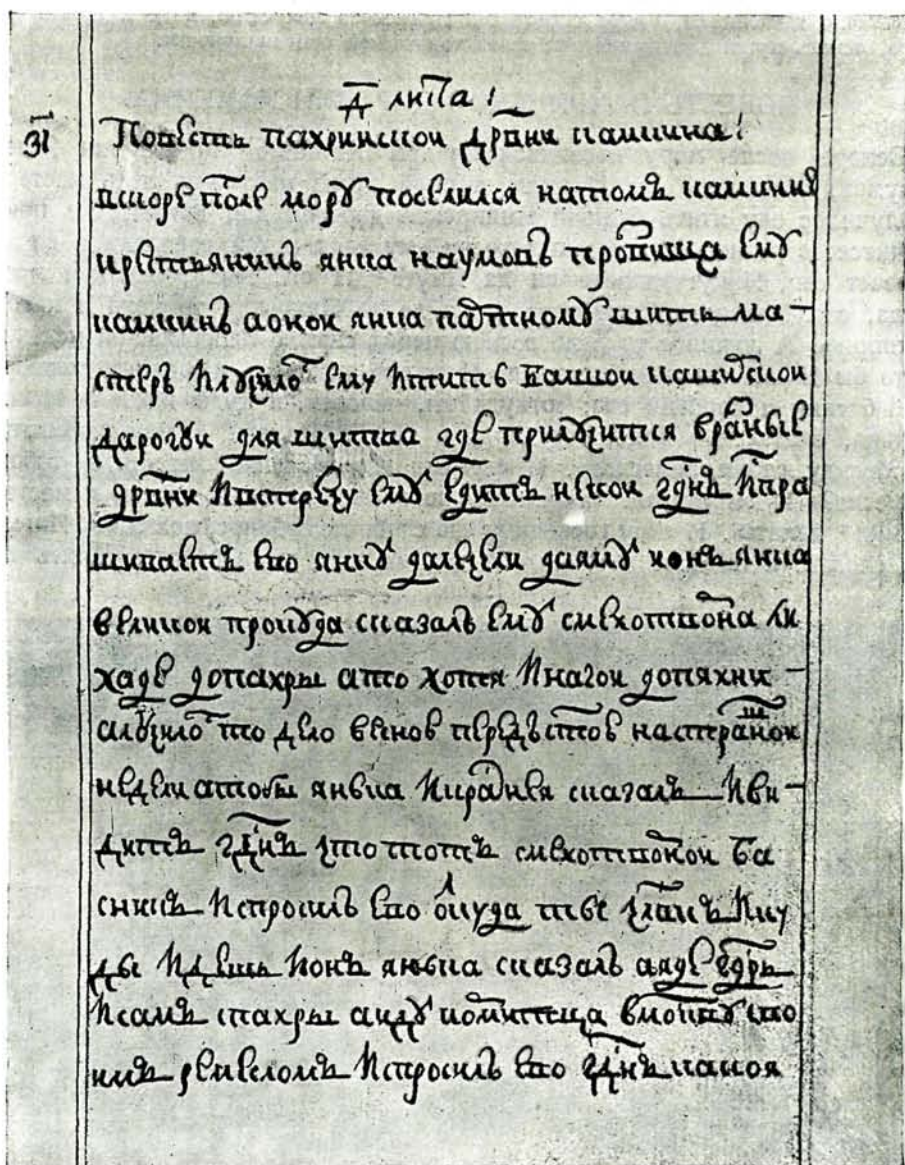
Вскоре после мору поселился на том Камкине¹ крестьянин Янка Наумов, прозвища ему Камкин, а оной Янка партному шить мастер. И лучилос ему итить балшой каширской дарогой для шитва, где прилучится, в разные деревни, и встречу ему едит некой господин и спрашивает ево, Янку: «далече ли да Яму»?² И он, Янка, великой прокуда, сказал ему смехотворна: «лиха де до Пахры, а то хотя и нагой допяхни». А лучилос то дело весною перед святою на страшной недели, а то бы Янька и краснея сказал. И видит господин, что тот смехотворной басник и спросил ево: «откуда ты, человек, и куды идешь?» И он, Янька, сказал: «а я де, государь, и сам с Пахры, а иду кормитца в Москву своим ремеслом». И спросил ево господин: «какая за тобою ремесло?» И он сказал: «а ремесло де за мною такая, что де я мастер камки³ делать». И тому господину ево слово полюбилос, похвалил Яньку на словах, а на деле не видал, а токова дела он, Янька, и блись не

РУССКАЯ КАМКА XVIII ВЕКА
Узор—по китайским образцам
Исторический Музей, Москва

знает: «исполать тебе, что твои руки залатыя». И стал Яньку с собою звать к себе в вотчину: «мне такова мастера надобна». И он господина не послушался. Сел к нему и в каляску и ехал Янька з господинам вместе да вотчины и приехал в ево каширскую вотчину, в село, не упомянул

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА „ПОВЕСТИ ПАХРИНСКОЙ ДЕРЕВНИ КАМКИНА“—СПИСОК XVIII ВЕКА
Исторический Музей, Москва

какая, и жил он, Янька, у господина всю святую неделю в великой чести. И видит Янька таво господина к людем своим zelo немилостива и все люди ево помирают голодом, и хлебом их весьма мало кормит и то невейкою ⁴, и не знает, как Янька от боярина таво отбыть. И взду-

КРЕСТЬЯНИН - ГОРБУН
 Лубочная картина XVIII века
 Публичная Библиотека, Ленинград

мал он, Янька, потребовать от господина котла и яшной муки и талчюнова семи с ночьвами⁵. И он, господин, приказал своему прикащику все выдать, что сколка ему, Яньки, потребно будет. И тому господину понадеялось, что для заводу на камчатное строение. И велел Янька на кухне кател в горну поставить и воды нагреть. И то ему, Яньки, что сколка надобна, то все ему припасли, и взагрел в катле вады и засыпал яшной муки и заварил саламаты⁶ и накатал яшных мелких камков и перевалял семя[не]м и панес на ночвах к господину в харомы и теми валинами камками стал господина потчивать: «изволь, государь, моево приспеху кушать и моих речей послушать для великава своево здаровья, понеже мой приспех будет и людем твоим не на смех, а бо-лея, государь, про ваше здаровья стряпать не умею». И он, господин, на него, Янку, очень прогневился, а после и сам Яньки подивился, и стал тот господин со гневом на Яньку гаворить: «что де ты наделал за саламатныя камы? Я ожидал от тебя тканую камку, а ты из яшной муковни накатал камы». И он, Янька, стал выправливатца: «я, государь

мой, и прежде сего гаварил тебе, на дароги встретши, что я мастер камки делать». И гаварит господин: «знатной ты балагур и видимой ты мне прокурат»⁷. И хотел Яньку бить нещадно. И тот Янька был очень льстив и лукав, стал господину гаворить: «ежели тебе, государь, мое ремесло не нравна стала, то я тебе, государь, кабалы не дал и из[ъ]яну тебе, государь, в моем ремесле никакова не зделал». И заставил Яньке, не выходя ис харом, вдрук ту муковню всю приесть. «Нет де, государь, сжелелось мне бедных твоих людей, я муковни натварил и всех людей твоих да отвалу накормил, и всем угодил и тебе, государю, так я сноровил, чтоб за тебя, государя, всяк богу молил». И тем господина со смеху повалил и велел всю муковню людми своими искормить и все люди стали Яньку хвалить и богу за него молить, что заставил господин людей своих муковнею кармить. И теми шутками стал Янька от таво господина отходить и к Пахре ближи потхадить. И в селе Старом Яму люди стали ево, Яньку, манит и хвалить и такая речи гаварить: «как ди ты, Янька, был на Кашире и избидели тебя бабы бальшия, что де ты у них камки клок оторвал». И он стал, Янька, гаворить: «хто де вам про меня намутил, что я сам накутил». И тою притчею своею всех емских людей удивил и от тово Яшки Наумова и камкиновой притчи стала, та деревня зватца по прозванию ево Камкина. И той деревни Камкина конец.

СКАЗАНИЕ О ДЕРЕВНЕ КИСЕЛИХЕ⁸.

Дворцовой Гвоздинской волости деревни Пласкинина⁹ у богатава мужика у Рамана была дочь ево хараша, Надежа душа. И выдал за таковажь багатава мужика Дорофея Ерофеева, что на Пахре реке, за сына ево Василья, а прозвища ему Горкая Асина. И лучилос ему, Василью, ехать к тестю з женою своею в гости. И такой был у него прастой абычай, аки бычай: чем тесть ево потчивает и довольствует, то он, домов едучи, и помнит, и отцу своему, при[е]хамши, сказывает, что сколка у тестя кушенья ел. И недалеча ат тестя от[ъ]ехал, то на дароги есть речка пот Пласкининам Гагежа, и занаравил[а]с на той речки Гагежи лашать и засуетился с лошадью в грезе, забыл и про кисель помнить—и стал он горька плакать и гаварить: «Ох, матушка речка Гагежа, на каво мне была и надежа». А к таму ж числу и жена ево лучилас тем же именем Надежа. И едит измайловской управитель¹⁰ для лову всякава зверья во дворец, а именно медведей, волков, лисиц и зайцов. И видит Вас[ъ]ку, что мнетца в грезе безспорток и спросил ево управитель: «чево ты в грезе ищешь, и взмесил ты гряс[ъ], как кисель». И он, Васька, и вспомнил при кисель. «Тако я, государь, и ищу в грезе забывшаго киселя». А тот был управитель великой сребролюбец и понадеялос управителю: нечто де он видел в грезе, ищет безспарток. Скинул и он с себя штаны и порты и стал в грезе искать, не положи. А он, Вас[ъ]ка, стал доле грясь месить, чтоб ему, ко отцу приехамши, киселя не забыть. И утрудился управитель на долг час, не обрел желаемого себе, поехал втуне. И выбился Вас[ъ]ка с нуждою из Гагежи и приехал в дом и про тот ево кисель и лиди сведали и стали ево, Вас[ъ]ку, звать Киселем, а было да таво ему прозвища Асина. И от тово Вас[ъ]ки Киселя прозвася та деревня Киселиха. И той Пахринской деревни Киселихе конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Обе повести издаются по единственному списку, находящемуся в рукописи Государственного Исторического Музея, собрания И. Е. Забелина, № 536, на лл. 66—69 об. Хронология списка определяется следующими данными. Сборник № 536 написан не ранее 1747 г., так как эта дата встречается в одном из помещенных в нем произведений (см. л. 63 об.), и не позднее 1772 г., так как этот год упоминается в одной из записей на сборнике (см. л. 12 об.). Подробное описание рукописи см. в статье Б. М. Соколова «Былины старинной записи», помещенной в журнале «Этнография» 1926 г., кн. I—II, стр. 105. Здесь интересующая нас рукопись упоминается под старым № 82. Краткое сообщение о повестях было сделано мною в статье «Первые начатки крестьянской литературы», помещенной в № 7 журнала «Земля Советская» за 1931 г.

¹ Деревня Камкина находится близ Москвы на реке Пахре в пяти километрах от станции «Ленинская площадка» по Рязанско-Уральской ж. д. (бывш. ст. «Пахра»).

² Имеется в виду село Старый Фроловский Ям, находящееся близ реки Пахры на расстоянии километра от станции «Ленинская площадка» и в четырех километрах от деревни Камкиной.

³ Камка—вид старинной шелковой ткани. Отличительной особенностью этой ткани является наличие как в основе, так и в утке¹ шелковых нитей почти одинаковой толщины (в основе нити несколько тоньше, чем в утке); затем в камке всегда бывает только по одной основе и по одному сквозному утку. Техника изготовления камки сохранилась до новейшего времени в камчатом столовом белье, особенно в скатертях (В. Клейн, Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология. Москва, 1925, стр. 50—51). На прилагаемом рисунке воспроизводится образец русской камки XVIII в. по оригиналу, хранящемуся в Отделе тканей Гос. Исторического Музея.

⁴ Невейка—мука из невейного зерна с мякиной.

⁵ Ночъва—плоское корыто.

⁶ Саламаты—мучная кашаца.

⁷ Прокурат—проказник, шутник, затейник, плут, обманщик, притворщик.

⁸ Деревня Киселиха находится совсем вблизи деревни Камкиной, на расстоянии не более километра.

⁹ Деревня Пласкинина находится километрах в 40 к востоку от Киселихи, а от Москвы километрах в 70 по Казанской ж. д. и притом километрах в шести к северу от железнодорожной линии.

¹⁰ Измайловский управитель—управитель Измайловского Зверинца, находившегося в дворцовом ведомстве.